

шолтфа

КУДА ПОДУЕТ ВЕТЕР С ВОСТОКА? РОССИЯ В НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

ТЮМЕНЬ, 7 ДЕКАБРЯ 2016 Г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — профессор Российского университета дружбы народов, член Президиума Евразийской академии телевидения и радио
Ю.В.Тавровский.

Ключевые слова: Восток, Китай, российско-китайские отношения, экономическое сотрудничество, стратегическое партнерство, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской
области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Тюмень нередко называют самым европейским городом Сибири. И тут есть значительная доля истины. Но верно и обратное: Тюмень — самый сибирский город Европы, своей исторической судьбой выдвинутый в сторону Востока. А значит, происходящее на Востоке требует от нас особенно пристального внимания — и к возникающим там возможностям, и к приходящим оттуда рискам. И то и другое пойдет через нас. И мы должны быть готовы к любым поворотам событий, должны уметь их предвидеть и к ним готовиться. Восток сегодня меняется стремительно — и Китай, и Япония, и Индия, и Филиппины, и Южная Корея, и другие страны. Каждая из этих перемен так или иначе затрагивает Россию. И, конечно, Тюмень, которая не вправе оставаться в стороне от осмысления генеральных трендов мирового развития. А должна, наоборот, предлагать в опережающем режиме свою версию такого осмысления.

Именно поэтому мы, выбирая тему очередных Чтений, задались вопросом: куда подует «ветер с Востока»? Ведь ветер этот очевидным образом усиливается; но он еще не установился, его вектор смещается то в одну сторону, то в другую. И мы пригласили человека, к мнению которого на этот счет по меньшей мере стоит прислушаться. Потому что он и есть «специалист по восточным ветрам».

С нами профессор Российского университета дружбы народов Юрий Вадимович Тавровский. Воспитанник известной своими

традициями Санкт-Петербургской школы восточных исследований, много работавший в международной журналистике, в том числе долгие годы — непосредственно на японской и китайской почве. Один из политических координаторов еще советской информационной работы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в последующие годы также оставшийся, что называется, на острие этой непростой и ответственной деятельности — уже в экспертном качестве. Автор множества статей, книг, аналитических телепередач и фильмов, в том числе первого в мире — не в России, а в мире! — монографического исследования о действующем лидере Китая Си Цзиньпине. Итак, чего нам ждать от Востока?

А сейчас слово постоянному ведущему Чтений Святославу Игоревичу Каспэ.

Главный редактор журнала «Полития», профессор Высшей школы экономики С.И.Каспэ

Я хочу поделиться двумя соображениями. Первое: мы в последнее время очень много говорим о Востоке. Но получается примерно так, как с футболом: разбираются в нем решительно все, а вот собрать 11 человек, которые играли бы профессионально, играли бы так, чтобы за державу не было обидно, никак не выходит. Вот и о Востоке сейчас готов рассуждать любой эксперт: мы постоянно слышим о том, какими темпами развивается сегодня Восток, как нам необходимо «вернуться» к нему... Проблема в том, что среди людей, рассуждающих на эти темы, очень мало настоящих востоковедов — тех, кто действительно знает и понимает, что такое Восток. А Юрий Вадимович — настоящий востоковед высокой пробы; человек, который на этом поле играет за нашу страну — в качестве игрока действующего, не запасного — не первое десятилетие, обладает уникальным опытом и сегодня этим опытом готов поделиться.

Второе: востоковеды прекрасно знают, что никакого Востока не существует. Как, впрочем, и Запада. Мы постоянно рассуждаем о Западе в целом — так, будто бы он представляет собой монолитное единство. При этом мы очень часто игнорируем колоссальные внутренние различия и напряжения, существующие между Западной и Восточной Европой, между Северной и Южной Европой, между континентальной Европой и англосаксонским миром, между Европой в целом и США... Так и с Востоком: зачастую, когда кто-нибудь начинает рассуждать о Востоке, выясняется, что он имеет в виду исключительно Китай. Но ведь Восток — это сложнейшее хитросплетение старых счетов, связей, отношений между очень разными центрами экономического и культурного развития. Когда кто-либо совершает какой бы то ни было жест в сторону одного из таких центров, это отзывается самыми неожиданными отголосками и эффектами во всей сложившейся системе взаимосвязей. Эти эффекты тоже надо уметь прогнозировать.

Именно поэтому мы попросили Юрия Вадимовича начать с «введения в Восток»: что это такое, как он устроен в общем виде; потом более подробно поговорить о Китае и далее о месте, которое в этой

системе занимает Россия. Наконец, Юрий Вадимович перейдет к разговору о том, какой должна быть наша осмысленная восточная стратегия — как нам сориентироваться в этом лабиринте таким образом, чтобы «ветер с Востока» дул в наши паруса.

Ю.В.Тавровский

Уважаемые коллеги! Действительно, в последние четыре года мы можем наблюдать дуновение какого-то особого «ветра с Востока». Все, что сегодня происходит в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеет общий знаменатель — национализм. Мы являемся свидетелями краха глобализации и возвращения ведущих стран к отстаиванию на международной арене своих национальных интересов. Хорошей иллюстрацией тут являются российско-японские отношения. Какова природа интереса японского премьер-министра Синдзо Абэ к контактам с российским президентом Путиным? Многие полагают, что он просто стремится вернуть Курильские острова. Но Абэ — прагматичный националист, и он понимает, что Россия никогда не отдаст никаких островов. Другая версия заключается в том, что Япония стремится не пропустить очередной передел «дальневосточного пирога»: речь идет прежде всего о борьбе с Китаем за ресурсы. В этом есть определенная доля истины. Однако главное в другом. Абэ — премьер-министр страны, которая de facto оккупирована Соединенными Штатами Америки. Да, Япония обладает номинальным суверенитетом, но фактически она находится под контролем и диктатом заокеанской державы. Соответственно, главной целью Абэ является попытка «удлинить вожжи», на которых его держат американцы. Он стремится к реализации этой цели все годы своего премьерства: сначала он посещал Москву, затем — Сочи, а теперь он планирует принять у себя Путина, воспользовавшись избранием нового президента США (еще не вступившего в должность) и резким падением авторитета президента уходящего. Тем самым Абэ показывает, что у Японии есть свои собственные внешнеполитические интересы, в структуре которых важное место занимает Россия.

Другой пример — Корея. Здесь тоже происходит взрыв национализма и патриотизма. Те демонстрации, которые сейчас идут в Южной Корее против президента Пак Кын Хе, объясняются не только экстравагантностью ее отношений с подругой, но и тем, что она занимает проамериканскую позицию. Ведь Южная Корея — это тоже фактически оккупированная страна. Там расположены американские военные базы и склады американского оружия, а в случае войны южнокорейские войска автоматически переходят под командование американских офицеров. Но Южная Корея достигла за последние десятилетия колоссальных экономических успехов, и теперь элита этой страны хочет адекватной им политической независимости. Посмотрите также на Северную Корею. Это страна, которая героически сопротивляется американцам; страна, которая, находясь в тяжелейших условиях, создала, в отличие от своего южного соседа, не процветающую экономику,

а заметный ракетно-ядерный потенциал. Я думаю, что если две Кореи соединят эти потенциалы (что вполне может произойти и без их объединения в единое государство), то мы станем свидетелями рождения одной из величайших стран Евразии.

На Филиппинах также происходит всплеск национализма, на волне которого к власти пришел президент Родриго Дутерте. Филиппины очень долгое время были сателлитом США. Не так давно американцы попытались использовать это государство в своей игре против Китая, спровоцировав известный конфликт в Южно-Китайском море. Однако Дутерте повел себя неожиданным образом, заявив, что национальные интересы Филиппин в том, чтобы поддерживать с Китаем хорошие отношения, и отправился в Пекин на переговоры, в результате которых Китай подтвердил право филиппинцев ловить рыбу в районе спорных островов в обмен на номинальное признание этих территорий китайскими.

Подобные ситуации мы можем наблюдать и в ряде других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Но любопытнее всего тот факт, что национализм побеждает и в самих США. Свидетельством тому является триумф националиста Дональда Трампа, который сразу же заявил, что национальные интересы для него важнее, чем развитие Транстихоокеанского торгового партнерства. В некотором смысле этот факт тоже можно обозначить как «ветер с Востока»; это будет верно для нас с точки зрения географии.

Но, конечно, самый интересный источник «восточного ветра» — это Китай. Ключевая веха здесь — приход к власти в декабре 2012 г. Си Цзиньпина. Новый генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая с самого начала обозначил свою позицию: едва избравшись, он вместе с рядом других членов Постоянного комитета Политбюро отправился в Национальный музей, где осмотрел выставку под названием «Возрождение Китая». Это была националистическая выставка, лейтмотивом которой стала панорама унижений китайского народа европейцами и американцами, которые он претерпевал с середины XIX в., начиная со знаменитых Опиумных войн. Осмотрев эту выставку, посвященную периоду с 1840 до 1949 г. (то есть до победы коммунистов), Си Цзиньпин заявил, что подобное унижение больше никогда не повторится, и провозгласил мечту о «великом возрождении китайской нации». Ключевое слово здесь — «нация». Причем в понятие нации китайцы включают, помимо титульного, также и остальные 56 этносов, проживающих на территории КНР. Одновременно была провозглашена программа достижения всеобщего благополучия к 2021 г., которая подразумевает искоренение нищеты, преодоление глубокого дисбаланса в развитии регионов и решение ряда других задач. 2021 г. выбран потому, что именно тогда КПК будет отмечать 100-летний юбилей; кроме того, именно в этом году истекает срок полномочий Си Цзиньпина. Но 2021 г. лишь первый рубеж, за которым последует второй — 2049 г., столетие Китайской Народной Республики. К этому моменту Китай

должен стать «процветающей социалистической державой мира»: подразумевается, что китайская экономика к этому времени должна производить 30% мирового ВВП. Для сравнения: США сегодня производят менее 16%... Кроме того, уже сейчас началось планирование следующего рубежа, которым станет 2078 г., совпадающий со столетием начала экономических реформ Дэн Сяопина, запустивших перевод китайской экономики на рыночные рельсы. Подобное долгосрочное стратегическое планирование — почерк Си Цзиньпина. Я убежден, что такое планирование имеет множество положительных сторон, так как все функционеры знают и понимают, в каком направлении нужно идти и что конкретно следует делать.

Анализируя эти планы, важно учитывать идеологические составляющие нового политического курса, мировоззрение Си Цзиньпина и его ближайшего окружения. С одной стороны, они — коммунисты, а с другой — ярые антисоветчики, которые очень не любят СССР. Они ведут отсчет отношений с нами как со стратегическим партнером только с 1991 г., более раннее прошлое зачеркнуто. Ленина они отрицают: «наш учитель — Мао Цзэдун». У нас часто задаются вопросом: почему русские коммунисты свою страну развалили, а китайские сохранили? Ответ заключается в том, что они — националисты, в то время как мы были интернационалистами. Они всегда заботились об интересах своей страны. Именно поэтому они негативно относятся к опыту Советского Союза. Более того, он их пугает. Ведь вся партийно-государственная система КНР была в 1950-е годы скопирована у СССР. И в Китае высказываются опасения относительно того, что в ней изначально мог быть заложен некий тайный дефект, который, в частности, и привел к краху КПСС и СССР. В Центральной партийной школе и в различных университетах советский опыт активно изучается — с целью предотвращения возможной катастрофы.

Другая важная идеологическая составляющая нового курса, помимо коммунизма, — конфуцианство. Это традиционное китайское этическое учение первоначально подвергалось критике со стороны китайских революционеров, а при Мао Цзэдуне с ним велась активная борьба. Но сегодня происходит возвращение к конфуцианским ценностям. В университетах преподают учение Конфуция, его книги печатают массовыми тиражами, несмотря на то что это чтение не из легких. Показателен визит Си Цзиньпина в город Цюйфу, на родину Конфуция, где генеральный секретарь принял участие в международной конференции по конфуцианству. Такое случается впервые: никто из предыдущих глав КНР не ездил в Цюйфу. Мой анализ речей и выступлений Си Цзиньпина показывает, что нынешний генеральный секретарь цитирует Конфуция примерно в 10 раз чаще, чем Мао Цзэдуна или Маркса.

Наконец, третий источник идеологической программы Си Цзиньпина — учение Сунь Ятсена. Сунь Ятсен был пламенным националистом, руководившим революцией 1911 г., в ходе которой была свергнута Маньчжурская династия. Он стал первым президентом возникшей

в том же году Китайской республики. Сунь Ятсен был хорошо образованным теоретиком, открытым к опыту самых разнообразных течений и направлений: он учился в миссионерской школе на Гавайях, затем в Японии, он знакомился также с опытом большевиков (при нем уже были советские советники, как военные, так и идеологические), находился в переписке с советскими деятелями — от Сталина до Чичерина. Сунь Ятсен является автором так называемых трех народных принципов (также известных как доктрина Саньминь): народовластие, национальная независимость и благосостояние народа. Его версия национализма сегодня оказывает значительное влияние на выступления партийных деятелей, на содержание документов китайской компартии. Более того, в этом году в Китае был с размахом отпразднован юбилей Сунь Ятсена.

Отличие Си Цзиньпина от большинства его предшественников заключается в том, что он не ограничился декларациями, но очень быстро приступил к практической реализации своего проекта. Для начала он сосредоточил в своих руках партийную, государственную и военную власть — с целью преодолеть сопротивление, которое не могли не вызвать его достаточно радикальные реформы. Примечательно, что эти реформы готовились еще в то время, когда Си Цзиньпин был «наследником престола»: должность заместителя генерального секретаря в Китае, как правило, занимает (по итогам выборов на партийном съезде) именно тот человек, который по истечении пяти лет сам становится во главе государства. Когда Си Цзиньпин в 2007 г. стал заместителем генерального секретаря, он одновременно занял должность ректора Партийной школы ЦК КПК, своеобразного аналога Академии общественных наук при ЦК КПСС, где обучались уже не студенты, а состоявшиеся управленцы, которым предстоял большой карьерный прыжок. Из этих людей Си Цзиньпин стал набирать собственную команду, с которой и начал работать, придя к власти. Кроме того, из числа преподавателей и ученых из других университетов он начал формировать «мозговые штабы», в которых и разрабатывались проекты его будущих реформ. И вот в 2012 г., на первом же пленуме, Си Цзиньпин предложил программу экономических реформ, ключевое место в которой отводилось «укрошению» государственных монополий, лишению их приоритетного доступа к ресурсам и долгосрочным займам, помещению их в условия конкурентной борьбы с частным сектором. Этот проект, однако, вызвал множество возражений и в итоге был отклонен. Тогда Си Цзиньпин решился на неординарный поступок: в ходе одного из региональных совещаний он публично провозгласил свою программу, которая была обозначена как «Новая норма» и опубликована в местной газете. Программа вызвала широкий общественный резонанс и была воспринята как руководство к действию.

Это очень интересная программа, которая разворачивает на новый курс огромный корабль китайской экономики, ушедший в плавание еще в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина. За эти годы Китай

достиг колоссальных успехов. Но за время долгого плавания корабль изнашивался, мотор стал барахлить, испускать слишком много дыма: сегодня весь Китай покрыт смогом, отравлены земля и вода. Экономическое процветание оказалось достигнуто ценой использования поистине варварских методов, нещадной эксплуатации как природных, так и людских ресурсов. Кроме того, изменились сами условия плавания этого корабля: если раньше Запад был заинтересован в обилии дешевых китайских товаров, строил в Китае свои заводы, передавал технологии, то теперь он смотрит на Китай, чья экономика уже угрожает стабильности доллара, с опасением. Другая проблема заключается в том, что в Китае обострились противоречия между регионами. Приморские территории, где действовали заморские китайцы, тайваньцы и западные компании, процветали, а внутренние районы оставались бедными и слабо развитыми. Для преодоления обозначившихся трудностей Си Цзиньпином была предложена экономическая реформа, главная цель которой — сделать экономику Китая самодостаточной, то есть ориентированной не столько на экспорт, сколько на внутреннего потребителя. Это и программа борьбы с бедностью: именно неимущие слои должны стать новыми потребителями, а чтобы этого достичь, необходимо сократить численность сельского населения в пользу городского и повысить общий уровень жизни. С этой целью в Китае стали вводить пенсии деревенским жителям, а также предоставлять городскую прописку трудовым мигрантам из сельской местности.

Тем не менее недовольство реформаторской деятельностью Си Цзиньпина было крайне велико, ведь он объявил свою программу не через пленум, а фактически через газетную публикацию. Поэтому на одном из следующих пленумов Си Цзиньпин выдвигает лозунг «При помощи закона управлять государством», который обозначает начало широкомасштабной борьбы с коррупцией. Само собой разумеется, что любая рыночная экономика и коррупция нераздельны. Но в Китае власть принадлежит партии, что на практике выражается в том, что во главе предприятия стоит секретарь парткома. Следовательно, партийные кадры не могут не быть охвачены коррупцией, которая отчасти была стимулирована Дэн Сяопином, призвавшим всех, кто имеет возможность, обогащаться, ибо тем самым, как предполагалось, обогатится и весь Китай (правда, именно Дэн Сяопин ввел и смертную казнь для коррупционеров). Однако коррупция в Китае достигла таких масштабов, что еще предшественник Си Цзиньпина говорил: «Или партия победит коррупцию, или коррупция победит партию». Си Цзиньпин взялся за систематическое искоренение этого феномена. Но так как со всеми сразу бороться невозможно, первыми жертвами борьбы с коррупцией стали его политические противники, прежде всего руководители государственных монополий. В Китае существует аналог Центральной ревизионной комиссии КПСС — Центральная комиссия по проверке партийной дисциплины, которая обладает огромным административным ресурсом. А поскольку все, кто занимает сколько-нибудь значимую должность, —

члены партии, обвинение в нарушении партийной дисциплины и неисполнении решений пленума теоретически можно предъявить любому. Любопытно сравнить китайскую борьбу с коррупцией с опытом Сингапура, тоже конфуцианской страны с китайским населением. Когда премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю спрашивали, как ему удалось искоренить коррупцию, он отвечал: необходимо было просто посадить несколько своих ближайших друзей. Си Цзиньпин же посадил не своих друзей, а друзей своего предшественника. Эта кампания, начавшись с высоких государственных постов, распространилась и на нижние уровни, на все регионы страны. Сегодня счет лиц, привлеченных по обвинению в коррупции, идет уже на тысячи. Не могу сказать, хорошо это или плохо, потому что я все равно не могу представить себе рыночную экономику без коррупции. Речь должна идти о масштабах борьбы, но полностью и безболезненно это явление искоренить невозможно. Негативные следствия мы и наблюдаем сейчас в Китае, где аппарат управления наполовину парализован, поскольку все боятся принимать скольки-нибудь ответственные решения.

Укрепление власти Си Цзиньпина продолжилось на VI пленуме, который прошел совсем недавно и в ходе которого Си Цзиньпин был провозглашен «ядром партии». Прежде этот титул носили только Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, то есть нынешний генеральный секретарь был возведен в один ранг с этими ключевыми для истории коммунистического Китая фигурами. Мы, русские китаисты, склонны полагать, что он действительно неординарная личность, достойная стоять в одном ряду с этими персонажами, и что ему удастся оставить после себя великое наследство. Открытым остается вопрос, когда он оставит это наследство. Дело в том, что согласно заведенному порядку генеральный секретарь находится на посту не более чем два пятилетних срока. Но среди китаистов бытует мнение, что Си Цзиньпин может остаться и дольше, так как институционально это возможно: решение Дэн Сяопина об ограничении правления двумя сроками не было законодательно закреплено.

Как следствие, возникает множество вопросов для российской внешней политики. Как выстраивать отношения с таким человеком, как Си Цзиньпин? На данный момент между Си Цзиньпином и Путиным вроде бы установилось взаимопонимание: на высшем уровне у нас провозглашено всеобъемлющее стратегическое партнерство, главы наших государств встречаются для обсуждения проблем и перспектив развития двусторонних отношений по нескольку раз в год. Это, образно говоря, «высшая математика» российско-китайских отношений. Однако существует и «арифметика» этих отношений — уровень торговли и экономического взаимодействия. И вот здесь ситуация далека от идеальной. Трудности связаны в первую очередь с тем, что нам практически нечего предложить Китаю, в то время как нам от них требуется очень многое — ситуация, до известной степени напоминающая англо-китайские торговые отношения середины XIX в.

А ведь потенциал для улучшения «арифметики» российско-китайских отношений огромен. Ясно, что национальные интересы наших стран совпадают, поскольку обе они испытывают сильнейшее давление со стороны Запада. Но мой прогноз, о котором я пишу в своих статьях, заключается в том, что с приходом Трампа давление на Россию уменьшится, поскольку США дошли до грани ядерной войны, переступить ее побоялись и теперь единственно возможным вариантом развития событий является движение назад. Именно этим объясняется заявление Трампа, что он намерен улучшать отношения с Россией. В результате центр давления перейдет на Китай. Сразу после избрания Трамп поговорил по телефону с президентом Тайваня и сделал несколько враждебных по отношению к Китаю заявлений. Давление на Китай может усиливаться вплоть до военных столкновений. Я прогнозирую, что на Тайване могут провозгласить отделение от Китая; иными словами, здесь может возникнуть крымская ситуация: появятся свои «вежливые люди» и т.д. Причем американцы, скорее всего, не вмешаются, ограничившись санкциями, информационной войной и введением пошлин на китайские товары.

И тут перед нами встает вопрос: какую позицию в этом треугольнике следует занять России? По этому поводу в Москве уже начались дискуссии на экспертном уровне. Меньшая часть экспертов полагает, что нужно воспользоваться ситуацией и как бы «сдать» Китай за определенную плату; большинство же придерживается иной точки зрения, доказывая, что наши национальные интересы в любом случае будут пребывать в конфликте с национальными интересами США, а это означает, что России нельзя сейчас предавать Китай, поскольку потом, в момент очередного кризиса российско-американских отношений, никому будет прийти нам на помощь. В то же время позиция КНР, сформулированная китайским послом в Москве, довольно однозначна: наши отношения, по его образному выражению, отсылающему к старой китайской поговорке, «должны быть как зубы и губы — губы прикрывают зубы, а зубы поддерживают губы, чтобы они не провалились». Он утверждает, что Китай не может позволить России проиграть столкновение с США, так как Россия является для Китая стратегическим тылом. Действительно, Китаю не нужна великая Россия как сверхдержава советского уровня. Ему нужна умеренно сильная Россия, которая могла бы выполнять функцию стратегического тыла.

Таковы наши отношения сейчас. Россия и Китай сегодня стали настоящими стратегическими партнерами, и я надеюсь, что они ими и останутся. И в Москве, и в Пекине есть люди, которые выступают за переход от стратегического партнерства к военно-политическому союзу. Обычно они прибегают к формулировке: «Российско-китайские отношения находятся на самом высоком уровне за всю историю этих отношений». Это мнение ошибочно. Потому что на самом деле у нас уже был военно-политический союз, заключенный Сталиным и Мао Цзэдуном в 1950 г. Более того, он не был формальным. Это был договор,

скрепленный кровью, ведь уже в год его подписания китайские народные добровольцы перешли границу с Кореей и стали воевать на стороне Ким Ир Сена в интересах Китая, которые на тот момент полностью совпали с интересами СССР. Китайцы в этой войне, по их собственной оценке, потеряли около миллиона человек — такова была цена этого договора. В обмен на это советские летчики обеспечивали им поддержку с воздуха; кроме того, на территории Китая при участии СССР было построено 150 крупных промышленных предприятий. Сейчас военного договора нет, и на вопрос о том, есть ли в нем необходимость, я склонен дать скорее отрицательный ответ. Я полагаю, что нам достаточно тех форм взаимоотношений, которые мы имеем; развитие же этих отношений возможно через наполнение существующих форм все более серьезным содержанием, в том числе и военным, но далеко не только им.

Однако этим возможности взаимодействия не исчерпываются. Дело в том, что в Китае существует программа под названием «Один пояс — один путь», или «Экономический пояс Шелкового пути», а также ее ответвление — «Морской Шелковый путь XXI века». Это — стремление возродить знаменитый Шелковый путь, который в былые времена тянулся на огромные расстояния по суше и вдоль побережья вплоть до Аравийского полуострова. Смысл этой затеи Си Цзиньпина (а это одна из его любимых программ, которые входят в его видение «китайской мечты»), сводится к двум основным пунктам:

- 1) придать западным районам КНР импульс к развитию. Речь идет о территориях, которые в силу своей удаленности от морского побережья значительно отстали за последние годы в экономическом развитии, несмотря на наличие таких ресурсов, как нефть, газ, металлы, уголь;
- 2) обеспечить китайским экспортным товарам безопасный путь в Европу. Дело в том, что на данный момент 90% китайской торговли, которая идет морем, неизбежно проходит через Малаккский пролив, где дислоцированы американские военные корабли. Следовательно, при обострении китайско-американских отношений этот торговый путь может оказаться парализован. Поэтому Пекин заинтересован в том, чтобы обеспечить альтернативный безопасный маршрут через дружественные государства.

Как многим известно, в рамках реализации этой программы между Россией и Китаем уже подписаны некоторые документы. Однако на самом деле мы пока не извлекли никакой выгоды от этого сотрудничества, при том что другие страны получают инвестиции из специально созданного для этих целей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд долларов, членом которого является и Россия. Из фонда «Шелковый путь», составляющего 60 млрд долларов, проект «Ямал-СПГ» получил миллиард — но никакого отношения к развитию инфраструктуры это не имеет, здесь просто сыграла свою роль заинтересованность Путина в этом проекте. То, что мы пока фактически ничего не получаем, многих огорчает. Вопрос

о причинах сложившейся ситуации, учитывая кризисное положение, в котором российская экономика оказалась вследствие санкций западных стран, был адресован китайской стороне во время нашего с советником президента по интеграционным процессам академиком Глазьевым визита в Пекин две недели назад. Там, в ходе встречи с руководителями китайского финансового блока, президентами Азиатского банка, Центрального банка, фонда «Шелковый путь», нами был получен ответ следующего содержания: главное препятствие на пути эффективного экономического сотрудничества — несходство финансовых механизмов российской и китайской экономик. Во-первых, китайские банки отказались от прямой поддержки российской экономики из-за опасения попасть под санкции. Во-вторых, что куда более критично, серьезную проблему представляет несовпадение наших юридических механизмов. В России ощущается нехватка людей, которые знают китайские экономические законы, а в Китае — людей, знающих законы российские. Давать деньги в подобных условиях — большой риск. В-третьих, нам была предъявлена претензия в неумении делать, точнее, «упаковывать» инвестиционные проекты. Поэтому Кремль сейчас будет пытаться разработать эти механизмы взаимодействия и сотрудничества с китайской стороной.

Я считаю, что на пути нашего сотрудничества с китайцами стоит нежелание нижестоящих министров, в противовес основному вектору внешнеполитического курса, заданному «верхами», сотрудничать с восточными партнерами: они по-прежнему ориентируются на европейские страны, с которыми у них существуют отработанные схемы взаимодействия. Возьмем, к примеру, политику РЖД, которые отдают предпочтение концерну Siemens, не обращая внимания на возможность приобретения китайских поездов, развивающих скорость до 350 км/ч (именно поэтому сегодня пробуксовывает проект «Москва—Казань»). Реакция китайских коллег вполне закономерна: они хотят, чтобы на те деньги, которые они будут вкладывать в развитие нашей инфраструктуры, мы приобретали именно китайскую продукцию. Поэтому, хотя идея Шелкового пути всего три года, вполне возможно было успеть гораздо больше. Подтверждением тому служит опыт других стран, участвующих в проекте. Так, в Пакистане через три года будет завершено строительство железной дороги, ведущей из Китая к побережью Персидского залива. В Казахстане идет строительство шоссейной дороги до границы с Россией в районе Оренбурга; предполагается, что эта дорога в итоге дойдет до Санкт-Петербурга. Однако Росавтодор еще не приступил даже к проектированию российского участка...

У нас имеется множество возможностей, которые мы упускаем. Китайцы отправляют в Европу (и в Россию тоже через Европу!) огромное количество контейнерных грузов, но они не знают, чем полезным их загрузить на обратном направлении. Поэтому, чтобы не гнать порожняк, они просто продают за бесценок пустые контейнеры в Гамбурге и Роттердаме — и отправляют с востока на запад новые транспорты.

В то же время китайская компания Alibaba, занимающаяся интернет-торговлей, хочет завоевать российский рынок. Прекрасно понимая, что торговля должна быть двусторонней, они приступили к разработке каталога русских товаров, которые в перспективе могли бы продаваться на китайском рынке, где электронная торговля, как известно, очень развита. Не знаю, как войти в эти каталоги, чем заполнить контейнеры, но это все возможности, которые нам обязательно надо использовать. И я думаю, что Тюмень здесь скажет свое слово.

Таким образом, я убежден в том, что мы имеем огромные перспективы и на «арифметическом» уровне российско-китайских отношений. Главная проблема для нас — суметь их реализовать.

**Председатель
комитета
по содействию
внешней
экономической
деятельности
при Торгово-
промышленной
палате
М.А.Доротов**

В этом году 57 экспортеров из Тюменской области поставили свою продукцию в 48 стран мира. Но примечательны два момента. Первый: количество экспортеров принципиально не меняется из года в год, варьируя в интервале от 40 до 60. Второй: 90% нашего экспорта приходится на долю «первой пятерки» регионального бизнеса плюс несколько «среднячков». Все остальные экспортные поставки носят эпизодический характер. В этом заключается особенность, отличающая наш регион от ближайших соседей, Свердловской и Омской областей, где, напротив, львиную долю экспорта дают малые и средние предприятия. Соответственно, возникает вопрос: стоит ли нам думать о какой-то иной структуре экспорта? Стоит ли добиваться его массовости? И, наконец, располагаем ли мы необходимыми знаниями и компетенциями, которые позволили бы нам сформировать наш особый, тюменский вектор в международной коммерции?

Приведу два примера. Тюменский инвестор в следующем году выпустит на российский рынок первую партию сульфата лизина — на рынок, где сегодня 100% продукции импортируется и на котором доминируют китайские производители. Как известно, на мировом рынке за последние 15 лет китайские производители сумели потеснить и Америку, и Японию, и Индонезию. Существует ли механизм, который позволил бы тюменскому инвестору не только занять определенную нишу на российском рынке, но и замахнуться на экспорт? Потому что продать 30 тыс. тонн лизина только в России просто невозможно. Первым шагом к решению этой проблемы могли бы стать защитные антидемпинговые пошлины, ввести которые позволяет нам Всемирная торговая организация. На протяжении последних двух лет наш тюменский инвестор активно занимался статистикой, аналитикой, маркетингом, добился прямых контактов со своими будущими китайскими конкурентами, узнал всю подноготную этого бизнеса: как выстраивается на международном рынке ценообразование лизина, как осуществляется маркетинговая политика, как китайский производитель прорабатывает свою логистику, как можно обойти меры нетарифного регулирования на российском рынке и как, в конце концов, эффективно использовать

те дотации и субсидии, которые китайское правительство постоянно выделяет этой отрасли для того, чтобы они смело шагали вперед по всему миру. Собрал весь этот массив данных и структурировав его, мы обратились в Евразийскую экономическую комиссию, в Департамент мер нетарифного регулирования, заявив, что, по нашему мнению, налицо признаки демпинга со стороны китайских производителей. В ответ мы услышали, что мы первые, кто создает прецедент защиты отрасли, которой в принципе еще не существует — завод-то только готовится к запуску. Этот значит, что простых путей формирования экспортных стратегий уже не осталось. Если мы хотим формировать бизнес-процессы, если мы хотим «толкаться» на рынках глубокой переработки, где равно важны и производство, и логистика, и маркетинг, и упаковка, необходимо уже сегодня готовить и оборонять свои позиции. Я считаю, для нашей области это очень ценный опыт, который можно и нужно тиражировать.

Второй пример взят из сектора услуг. Мы все знаем, что иностранные инвесторы так любят Тюменский регион, что, приходя к нам, ведут за собой иностранных подрядчиков самых разных услуг. Одна из тюменских компаний решила доказать, что тюменские предприятия могут предоставлять сервисы — скажем, в логистике — не хуже иностранцев. Была проведена масштабная работа, были сделаны инвестиции и в людей, и в IT, и в деловую репутацию, и в построение собственных логистических цепочек и решений, благодаря чему на сегодняшний день эта компания не только и не столько оказывает услуги тюменским предприятиям, сколько экспортирует свои услуги (в прошлом году в общей сложности в 47 стран). При этом создание добавленной стоимости, формирование компетенций и знаний, управление проектами, комбинирование различных сервисных, финансовых, логистических, торгово-закупочных и прочих решений — все это осуществляется в Тюмени. И когда представители этой компании едут на тендеры в Москву или за рубеж, доказывая свою рыночную состоятельность, многие говорят: «Мы не верим, что такие вещи, которые делаете вы, можно делать из Тюмени — города за Уралом с численностью населения менее миллиона человек. Такой бизнес больше подходит для Шанхая, Лондона, в крайнем случае — для Москвы».

Так достаточно ли у нас знаний и компетенций для того, чтобы найти свое место под экспортным солнцем? Конечно, пока нет. И в перспективе одного, двух, трех, пяти лет ожидать прорыва не стоит. Но в более отдаленной перспективе прорыв возможен!

Можно уже сейчас сфокусироваться на четырех основных направлениях: 1) деревообработка и лесные технологии; 2) переработка полипропилена; 3) глубокая переработка сельскохозяйственной продукции; 4) услуги (образование, инжиниринг, логистика, нефтегазовый сервис, IT). По каждому из этих направлений должна быть создана своя дорожная карта. Наконец, самое главное — нам необходим собственный экспортный развивающий центр. Не центр поддержки — нам нечего

поддерживать, нам необходимо развивать. Потому что Российский экспортный центр в нашу сторону не смотрит и не скоро к нам придет, так как мы занимаем менее 1% в структуре российского экспорта, а весь российский экспорт составляет лишь 3% в мировом экспорте. Иными словами, мы должны сами формировать компетенции, сами доказывать свою состоятельность, сами ехать за рубеж и выстраивать свою экспортную позицию, свою стратегию на развивающихся рынках.

**Председатель
Совета
Тюменской
областной
общественной
организации
корейцев
«Единство»
А.Ф.Тен**

Поскольку сегодня было уже очень много сказано о Китае, я сосредоточу свое внимание на Японии и Южной Корее.

Еще в 1990-х годах товарооборот между Россией и Японией был в десятки меньше товарооборота между Японией и Китаем. В последние, кризисные годы он устойчиво снижается. Товарооборот же между Россией и Южной Кореей растет, в том числе и в условиях мирового кризиса. Речь идет прежде всего об экспорте топлива, минералов, нефти, рыбы, металлов, древесины и об импорте оборудования, котлов, судов, мебели и т.д.

Когда в Японии в свое время задались вопросом о причинах этой асимметрии, аналитики пришли к выводу, что значительную роль в высоких показателях товарооборота с Южной Кореей играет российская корейская диаспора, численность которой достигает 150 тыс. человек. Этот факт действительно послужил мощным стимулом к развитию двусторонних экономических отношений между Кореей и Россией, существенный вклад в которое внесла Тюменская область. Только с 2013 г. прошло 14 встреч между представителями Тюменской области и посольства Южной Кореи, а в прошлом году состоялась встреча губернатора Тюменской области с полномочным послом Республики Корея Пак Ро Бёком. Кстати, для последнего это была первая такая встреча на данном посту. В составе корейской делегации было около 50 человек, многие из них — предприниматели. Контакты между российскими и корейскими бизнесменами благоприятно сказались на торговых и политических взаимоотношениях между Южной Кореей и Тюменской областью. Посол Кореи рассказал, что корейское правительство определило участие в совместном развитии Евразии в качестве приоритетной задачи и что в рамках этой стратегии именно Тюмень была выбрана партнером для расширения взаимодействия. Глава региона в свою очередь предложил рассмотреть несколько направлений, способных оказаться выгодными и для тюменского, и для корейского бизнеса. В ходе этих встреч обсуждалась деятельность компании «Сибур», а также шла речь о совместном строительстве завода по переработке пропилену. Кроме того, в Южной Корее для комплекса «Запсибнефтехима» была построена огромная пиролизная колонна высотой 96 м, диаметром 8,5 м, весом более 1000 т, которая была доставлена в Тобольск по Северному морскому пути и далее по суше. Разумеется, товарооборот между Россией и Кореей несопоставим с оборотом между Россией и Китаем.

Тем не менее в Южной Корее есть передовые технологии, которые могут оказаться полезными для развития российской экономики; в свою очередь Россия может предложить разнообразные ресурсы, дефицит которых наблюдается в Корее.

Говоря о Корейском полуострове, невозможно игнорировать политический фактор. Изменение политической ситуации в регионе, а именно объединение Северной и Южной Кореи, может принести большую пользу российской экономике, поскольку откроет доступ по железной дороге к незамерзающему порту Пусан. Представляется также, что само появление на дальневосточных рубежах Российской Федерации нового сильного игрока, обладающего ядерным потенциалом, сильной армией и очень сильной экономикой, будет ей только на руку, поэтому в стратегической перспективе Россия должна ориентироваться на содействие объединению этих двух государств.

**Профессор
Тюменского
государственного
университета
и Цюйфусского
педагогического
университета
Чжу Юйфу**

Известно высказывание Конфуция: «Нельзя навязывать людям то, чего не хочешь самому себе». Наш первый педагог, мыслитель и философ Конфуций родился две с половиной тысячи лет тому назад, 28 сентября 551 г. до н.э. В Китае он считается главным представителем традиционной китайской культуры и, шире, восточной цивилизации, который заложил их крепкий фундамент и определил направление развития морали и нравственности китайского народа. Его концепция человеколюбия, его знаменитый тезис «учение — свет, а неучение — тьма» в совокупности с другими аспектами его учения до сих пор не утратили своей актуальности, в особенности в условиях культурной глобализации. Мне посчастливилось работать в Цюйфусском государственном педагогическом университете, который находится на родине Конфуция, в городе Цюйфу. Этот город — не просто набор памятников и достопримечательностей китайской истории. Цюйфу — это особое «место памяти» китайского народа. Его называют древней столицей, из этих мест родом прародитель Китая Шэнь-нун, здесь же родился император Хуан Ди. Это один из 23 исторических городов, объявленных таковыми на официальном уровне.

Традиционные китайские ценности прежде всего представляют собой так называемую «мягкую силу». Китайский народ любит мир и выступает против войны. Надо признать, что последние 200—300 лет Китай был отсталой страной, поэтому его часто грабили, разделяли и захватывали. Китайцы не хотят, чтобы мирные люди переживали то, что пришлось претерпеть им самим. Никакая держава не должна насильственно навязывать свою волю другим. В дипломатических отношениях со всеми странами Китай неизменно придерживается пяти принципов мирного сосуществования: 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство; 5) стремление к достижению взаимной выгоды. Современная китайская дипломатия основывается

на традиционной китайской культуре и философии. «Один пояс, один путь» — таково сокращенное название программ «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Совместно обсуждать, совместно строить и вместе наслаждаться плодами своего труда — вот что необходимо делать всем миролюбивым и трудолюбивым народам и странам. Около семи стран активно участвуют в этом проекте, а также в деятельности Азиатского инвестиционного банка. Это означает, что данная концепция соответствует глобальным тенденциям, отвечает интересам стран-участниц. Китай и впредь будет осуществлять внешнеполитическую деятельность, способствующую миру, мультиполярности, развитию демократии в международных отношениях и общему процветанию всех стран.

В Российской Федерации Китай и китайский народ видят добро-го соседа, надежного партнера и хорошего друга. Мы очень хотим, чтобы Россия была мощной, крепкой и счастливой страной. Россия и Китай — два из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Мы вместе выполняем миссию защиты мира, поддержания справедливости и противодействия актам агрессии. Одна из наших главных задач — воспитание молодежи, ее подготовка к выполнению этой миссии. Мы с радостью отмечаем, что сотрудничество между Тюменским государственным университетом и Цюйфусским государственным педагогическим университетом успешно осуществляется на протяжении вот уже 10 лет. В ЦГПУ ежегодно русский язык изучают порядка 120 студентов. В свою очередь, в ТюмГУ китайский язык изучают более 70 студентов. За последние годы из стен ЦГПУ уже вышло 400 русистов. Это будущие переводчики и дипломаты. Именно они в скором времени станут играть ключевую роль в сотрудничестве между Китаем и Россией. Около 80 студентов ТюмГУ были отправлены на год или на семестр в Цюйфу для изучения китайского языка по программе обмена, а около 60 китайских студентов из Цюйфу проходили обучение в ТюмГУ. Обучение по этим программам является для студентов обеих стран бесплатным.

Отдельно хотелось бы отметить тех людей, благодаря которым и оказывается возможным российско-китайское сотрудничество в этой сфере. Надежда Васильевна Разумкова, доцент кафедры общего языкознания ТюмГУ, в качестве преподавателя русского языка работает у нас уже третий год. Я сотрудничаю с ней, мы вместе публикуем монографии, словари, один из них скоро выйдет в свет в Китае. За вклад в развитие провинции Шаньдун Надежда Васильевна получила специальную награду Дружбы им. Конфуция. Этой чести была удостоена также Яна Петровна Полухина, преподаватель кафедры русского языка ТюмГУ, за плодотворную работу в Китае. А я, в свою очередь, стал почетным доктором ТюмГУ. В нашей совместной работе мы вновь обращаемся к известному наставлению Конфуция: «Добрый человек должен любить человека».

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что планета Земля — наш общий дом, что новая эпоха требует компромиссов и непрерывного

поиска золотой середины. В международной политике достичь их бывает нелегко, но вовсе не невозможно, и наше общее дело служит тому хорошим примером.

**Свободный
микрофон**

Председатель совета директоров консалтинговой группы «Лекс» В.Ф.Лукичев: Заявленная тема сегодняшних чтений — «Куда подует ветер с Востока?». Однако я не услышал ответа на поставленный вопрос. Все-таки куда этот ветер дует и зачем?

Ведущий специалист Тюменского индустриального университета А.Ю.Конев: Как Вы считаете, насколько Китай сегодня заинтересован в Арктике, в развитии Северного морского пути?

Директор по развитию регионального проекта «Моя территория» О.А.Петрушина: Каковы перспективы Тюмени в развитии российско-китайского сотрудничества в сфере образования? И в чем заключается интерес нашего региона в дальнейшем развитии этого сотрудничества?

Руководитель тюменского регионального отделения Дома российско-китайской дружбы Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) В.Л.Нежданов: Возникает вопрос: почему Россия до сих пор в столь малой степени вовлечена в проект «Шелковый путь»? Одна из возможных причин — неготовность российского высшего образования, неспособность российских власти и бизнеса понять, что азиатские страны, в частности Китай, — это совершенно иной мир. Когда мы начали «поворачиваться к Востоку», мы не вложили ни копейки в переподготовку китаистов, японистов и корееведов, в то время как в США «поворот в Азию» при Бараке Обаме начался с того, что они потратили 2 млрд долларов на переподготовку специалистов. Почему же мы никак не можем осознать важность этой проблемы?

С.И.Каспэ: Я Вам сразу могу ответить: денег жалко, вот почему. И ума не хватает.

Студент Тюменского государственного университета, активист «Молодой гвардии Единой России» В.Сбитнев: Мой первый вопрос: считаете ли Вы, что в России есть тренд на популяризацию конфуцианской философии? И если такой тренд имеется, то что это — отражение нашего стремления сблизиться с Востоком или попытка привить восточные представления о покорности? Второй вопрос касается новой волны национализма, которую мы сейчас наблюдаем по всему миру. Очевидно, что в мировой политике происходит возвращение к известным идеям, которые были распространены в первой

половине XX в. Последствия их реализации всем хорошо известны. Не считаете ли Вы, что Китай может пойти по тому же пути, что и Германия в 30-е годы прошлого столетия?

Профессор Тюменского государственного университета Л.М.Симонова: Во-первых, «восточный вектор развития» предусматривает не только ориентацию нашей страны на сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Это еще и вопрос развития Сибири и Дальнего Востока. Каковы в этом контексте потенциальные зоны сотрудничества и конкурентные преимущества Западной Сибири? Во-вторых, совсем недавно мы с академиком Г.Ф.Кучевым побывали на конгрессе в Сеуле, где также обсуждался «восточный вектор» развития России. Там мы столкнулись, с одной стороны, с огромным, преимущественно прагматическим, интересом к России со стороны Южной Кореи, а с другой — с тем, что о наших реалиях там имеют довольно слабое представление. Апеллируя к Вашему, Юрий Вадимович, богатому журналистскому опыту, хотелось бы узнать, как нам следует продвигать образ России и Сибири в странах АТР. Учитывая, что эти страны, в отличие от России, успешно завершили процесс модернизации. Учитывая и то, что они формируют и формулируют свои стратегии с опорой на традиционные ценности, чего опять же нельзя сказать о нашей стране.

С.И.Каспэ: Юрий Вадимович, мне нередко приходилось слышать от людей из деловых кругов, что вести бизнес с китайцами необыкновенно сложно; точнее, необыкновенно сложно вести его так, чтобы не остаться в минусе. Потому что жесткость китайских партнеров в отстаивании своих переговорных позиций и последующая гибкость в их трактовке в свою пользу не имеют себе равных в мире, и в частности на Западе. Возможно, именно поэтому наши министры и отдают предпочтение работе с более понятными и податливыми европейцам, американцам и т.д. Так ли это, что с этим делать и как себя вести, чтобы в результате объявленного «разворота» не попасть впросак?

Ю.В.Тавровский

Мне было очень интересно послушать выступление господина Доротова, поскольку это человек, который действительно занимается развитием отношений Тюменского региона с внешним миром, в том числе с Китаем. Я полностью согласен с его указанием на четыре экспортные области. Я не тот человек, который может ему что-либо советовать или конструктивно его критиковать: он стоит на земле, он — успешный бизнесмен и общественный деятель. Мне было очень интересно, добавить ничего не могу.

Коллега Ген рассказывал о русско-корейских торговых отношениях. Южной Корее очень повезло, что в России живут и работают на благо своей родины 150 тыс. корейцев. То, какую пользу можно извлечь

из такого положения дел, показывает история Китая, у которого в прошлом столетии за рубежом оказалось 25 млн человек. Именно они во многом способствовали подъему китайской экономики.

Профессор Чжу говорил сегодня о городе Цюйфу, откуда он к нам приехал. Для меня это священное место. Я был в Цюйфу и теперь мечтаю, чтобы туда приехал президент Путин, чтобы он проникся конфуцианским духом и задумался о том, почему идеи этого мыслителя живы вот уже 2,5 тыс. лет. В то же время я считаю, что традиционные китайские ценности, которые основаны на учении Конфуция, в России вряд ли получат сильное распространение. Потому что у нас есть свои традиционные ценности, и я полностью согласен с тем, что именно они должны являться фундаментом для успешного развития нашей страны. Возрождение наших собственных традиционных ценностей, связанных с православной религией, позволит нам создать свою целостную культуру, которая будет органически включать в себя и прошлое, и настоящее во имя светлого будущего.

Отвечая на вопрос коллеги Лукичева, просто процитирую президента Путина: «Рост китайской экономики — шанс поймать китайский ветер в паруса нашей экономики». Ветер действительно дует, мы пытаемся его уловить, и я надеюсь, что нам это удастся, поскольку мы нуждаемся в импульсе, способном придать ускорение нашему движению.

Насколько Китай заинтересован в развитии Северного морского пути? Я думаю, что они рассматривают его как один из альтернативных вариантов своего проекта «Морского Шелкового пути» и потому проявляют к нему сдержанный интерес. Однако это дело не самой ближайшей перспективы.

Теперь о сотрудничестве в сфере образования. Как китаист могу ответственно заявить, что у нас уже перепроизводство людей с китайским языком и вместе с тем острая нехватка знающих китайский язык специалистов в конкретных областях — юристов, специалистов по логистике, туризму и т.д. Недостаточно просто выучить язык — по своему опыту скажу, что это не так уж и сложно. Необходимо, чтобы студенты, отучившись три года в университете и изучив язык, начинали работать в какой-то китайской организации, учреждении, фирме. Когда я учил китайский язык (а я учил его в Сингапуре, потому что поехать в сам Китай, где как раз разворачивалась «культурная революция», не было никакой возможности), я изначально знал, что буду работать в советском радиовещании на Китай. Поэтому с первых дней обучения я готовился к своей будущей профессии. И когда я вернулся, меня просто «вставили в розетку», и я стал работать. Сегодня же ребята, которые приходят в аспирантуру с китайским языком, не имеют никаких практических навыков, не имеют профессии и, следовательно, никому не нужны.

С тезисом о неготовности российского высшего образования, российской власти и бизнеса к сотрудничеству с азиатскими странами я не могу согласиться. Мы уже достаточно хорошо понимаем, что такое

«Экономический пояс Шелкового пути», осознаем стоящие перед нами проблемы и пути их решения.

Относительно тренда на популяризацию конфуцианских идей могу лишь сказать, что ничего подобного в России не наблюдается. Нескольким менее однозначна проблема возможного принятия китайским национализмом гипертрофированных форм, как это произошло в свое время в Германии. Разумеется, полностью исключить такую возможность нельзя. Однако, как уже говорил сегодня Чжу Юйфу, китайцы — народ миролюбивый. У них есть такая пословица: «Из хорошего железа не делают гвозди, хороший человек не идет в солдаты». Поэтому их завоевывали чжурчжэни, монголы, маньчжуры. Но китайцы все равно ассимилировали своих захватчиков. Я не думаю, что они захотят брать на себя ответственность за весь мир. Они — такие националисты, которые заботятся о своих интересах и не хотят играть мессианскую роль.

Вопрос об образе Западной Сибири в Китае действительно очень актуален. Китайцы имеют некоторое представление о том, что такое Дальний Восток и что такое Европейская Россия, но о Западной Сибири не знают практически ничего. Что нужно делать для исправления этой ситуации? В первую очередь — привозить сюда китайских журналистов. И с этим я лично могу помочь, поскольку дружу со многими китайскими журналистами, которые, кстати, очень любят Россию и которых действительно могла бы заинтересовать поездка в Тюмень. Более того, это люди, которые имеют выход на центральное телевидение и центральные газеты, настоящие профессионалы, а вовсе не декоративные делегации дружественных недоучек.

Что касается традиционных ценностей, то я убежден, что именно на основе традиционных ценностей мы с китайцами и должны сближаться, не навязывая им свои ценности и не перенимая их собственные.

Святослав Игоревич, китайцы действительно сложные партнеры. Но они, в свою очередь, считают таковыми и русских, и американцев, и европейцев. Тем не менее товарооборот Китая с Америкой составляет 550 млрд долларов, с Европой — примерно 500 млрд. Это значит, что все трудности можно преодолеть. Естественно, китайцы никогда не будут заниматься благотворительностью, и тот факт, что я — русский, во все не означает, что они должны подписать со мной контракт в ущерб себе. Китайцы всегда очень долго торгуются, и прежде чем дело дойдет до принятия ответственного решения, может пройти много времени. Я являюсь вице-президентом Евразийской академии телерадиовещания. В прошлом году нами был снят первый совместный русско-китайский фильм, в этом году мы закончили производство второго, автором сценария которого я являюсь и который вскоре будет показан по каналу «Культура». Однако перед этим мы на протяжении 10 лет ездили друг к другу в гости, провозглашали тосты за дружбу, и дело не двигалось с мертвой точки, пока упорное терпение и дипломатическая сноровка не принесли свои плоды. Это говорит о том, что работать с китайцами действительно можно.

В.В.Якушев

Прежде всего хотелось бы высказать Юрию Вадимовичу слова благодарности. Мы действительно получаем много разной информации о том, что сейчас происходит на Востоке, и информация эта, как правило, носит позитивный характер, внушает оптимизм относительно перспектив российско-китайских отношений. Однако Юрий Вадимович очень точно заметил, что, хотя на уровне «высшей математики» у нас как бы все в порядке, «на земле» остается еще очень много нерешенных проблем. Мы наблюдаем это сплошь и рядом: не только с КНР, но и с рядом других наших внешнеполитических партнеров. Это общий тренд: как бы ни были хороши дипломатические отношения, как только заходит разговор о конкретных проектах, результат оставляет желать лучшего. Желание идти друг другу навстречу не означает, что мы автоматически перестаем говорить на разных языках. Мы вынуждены прилагать колоссальные усилия для того, чтобы сблизить наши позиции по самым разным вопросам. Это требует времени.

Юрий Вадимович справедливо отметил в своем выступлении, что у нас сложились определенные отношения с нашими партнерами в Европе, мы к этому привыкли, мы брали деньги в европейских фондах и на финансовых рынках. Но с объявлением санкций мы лишились этого источника и вынуждены были обратить свое внимание на восточные рынки. Бросившись туда, мы поняли, что, оказывается, мы совсем не изучали китайский, не знакомы с их подходами и манерой ведения дел. Сегодня мы пытаемся это преодолеть, пытаемся реализовывать какие-то проекты. Но таких проектов по-прежнему очень мало. За трудностями такого сотрудничества мы можем наблюдать на примере компании «Сибур», которая имеет непосредственное отношение к Тюменской области. Но опыт все-таки нарабатывается, первые сделки уже заключаются, начало положено. Конечно, раньше мы всегда могли осуществить заем на европейском финансовом рынке — как правило, под определенный процент и без каких бы то ни было дополнительных обязательств. Это было просто. Теперь же, если мы говорим о китайском, корейском или другом азиатском рынке, мы больше не можем поступать подобным образом. Если мы хотим взять кредит в Китае, то должны быть готовы к тому, что взамен мы окажемся связаны определенными обязательствами, что деньги, которые будут взяты и израсходованы по этому займу, уйдут на закупку китайского оборудования. Если это строительные работы, то необходимым условием может оказаться привлечение рабочей силы из Китая, что мы и видим сегодня на площадках «Сибура» и «Ямал-СПГ», где работают граждане КНР. Отсюда совершенно иные требования к специалистам, которые должны уметь договариваться на этом рынке, правильно, как было сегодня удачно сказано, «упаковывать» проект. Именно с этим у нас проблемы. Они были и тогда, когда мы брали займы под европейские инвестиционные проекты, но там нам удалось постепенно усвоить правила игры; теперь нужно перестроиться и научиться занимать деньги на Востоке. «Не боги горшки обжигают»: я уверен, что мы научимся этому, нужно только время. Тем

более что условия для этого самые благоприятные — я имею в виду описанный главным докладчиком расклад в «высшей математике» российско-китайских отношений. Сегодня действительно идет огромная работа по освоению восточных рынков.

Я не согласен с господином Лукичевым, что в выступлении Юрия Вадимовича не прозвучало ответа на вопрос, куда дует «ветер с Востока». Напротив, из сегодняшней лекции ясно, куда он дует и куда нужно двигаться; более того, Юрий Вадимович подробно осветил эту тему в своих репликах во время дискуссии. Я хотел бы также добавить, что ямальский порт Сабетта рассматривается нами не только как узел транспортировки сжиженного природного газа, но и как порт для сухих грузов. Мы возлагаем на этот проект очень большие надежды, потому что сегодня, при отсутствии морского порта, связанного с нашими судхододными реками, нам приходится отправлять экспортную продукцию по железной дороге до Владивостока или Новороссийска, что делает абсолютно любой произведенный в нашем регионе товар практически «золотым», а следовательно, невостребованным. Выход на Северный морской путь должен радикально изменить ситуацию.

Сегодня очень много было сказано о феномене национализма. Разумеется, мы говорим о нем в том смысле, в котором он существует сегодня, без отрицательных коннотаций, исторически с ним связанных. И я думаю, что нам, тюменцам, немного национализма тоже не помешает. Да, мы гордимся родным городом и своим регионом, которые в разных рейтингах занимают очень хорошие места; мы гордимся, когда бываем в других регионах и видим, что у нас действительно есть повод для гордости. Но этого мало. Национализм, о котором я говорю, должен иметь практическое применение: мы должны не просто гордиться, но еще и вносить свой личный вклад в то, что составляет предмет этой гордости. Одной любви недостаточно. Необходимо усердно работать на благо своего региона, своего города, своего муниципалитета. Давайте просто каждый на своем месте хорошо делать свое дело, с максимальной производительностью и отдачей, и любить землю, на которой мы живем. Это и будет полноценный национализм в тюменском понимании.

То, чему нам следует поучиться у Китая, который оказался сегодня в центре нашего внимания, — это стандартизация деловых процессов. Отсутствие стандартов приводит к тому, что мы теряем не только реальные деньги, но и более ценный ресурс — время. К тому же отсутствие стандартов всегда открывает возможности для злоупотреблений и коррупции. Конечно, другая крайность, когда все застандартизировано под одну гребенку, — тоже плохо, нужно искать золотую середину. Достойно внимания то, что нынешний лидер КНР занял достаточно жесткую позицию по вопросу о стандартизации управленческих процессов. Нам тоже есть куда двигаться в этом отношении, здесь мы располагаем огромными резервами. Задача, которая стоит сегодня перед нами, — повышение эффективности работы государственного аппарата за счет

стандартизации процессов управления. То же самое касается и бизнеса, и нашей культуры в целом, потому что в России традиционно отношение к стандартизации процессов крайне безобразное. Обнадёживает, что многие компании сегодня начинают заниматься этим профессионально: кризис всех отрезвил, а вместе с отрезвлением пришло понимание того, что процессы, которые сегодня происходят в конкретных компаниях, требуют оптимизации. Как говорится, нет худа без добра. Ситуацию, в которой мы находимся, очень трудно назвать благоприятной. Сытые, богатые годы миновали, теперь мы живем в других условиях, и это мотивирует нас на новые подвиги. Поэтому мы должны проделать большую работу по стандартизации на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, в бизнесе и некоммерческих организациях. Да, мы долго запрягаем. Но ездим-то быстро, поэтому я уверен, что, обратив внимание на опыт разных стран и изучив наиболее эффективные практики, мы многому научимся. И если мы придадим зарубежному опыту наш российский лоск и блеск, то через какое-то время обнаружим, что уже внешний мир начал учиться у нас.

Все это упирается в проблему образования, о которой тоже сегодня шла речь. Именно система образования должна закладывать тот базис, который затем позволит молодым людям двигаться дальше по жизни, вносить посильный вклад в общее дело, в развитие города, региона, страны. Но для того чтобы что-то сделать, нужно засучить рукава и упорно работать. Президенты за нас эту работу не сделают. От капитана зависит многое, но если под его началом совершенно бестолковая команда, не знающая, как и за что нужно дернуть, чтобы правильно поставить парус под ветер — например, восточный, — корабль не сможет взять верный курс.